

Текст · 4 марта 2019, 09:19

Никита Сологуб,

Неуязвимый ОМВД. Оперативники из Анапы, которых за три года обвинили в пытках уже восемь человек, остаются на свободе и продолжают работать

Дело о пропавших сигаретах. «Они просто тянут время»

В конце декабря 2015 года полицейские из ОМВД Анапы задержали 21-летнего Артема Пономарчука, работавшего грузчиком-экспедитором на продуктовой базе ИП «Арустамян», и троих его коллег — сына владельца предприятия Арама Арустамяна и братьев Карена и Эрика Енгоян. Позже задержанных отвезли в суд, который назначил им по 12 суток ареста. Согласно административным протоколам, каждый из четверых шел по улице, был остановлен полицейским и отказался предъявлять документы.

Находясь в ИВС, молодые люди написали явки с повинной по двум эпизодам разбоя (часть 3 статьи 162 — разбой с причинением ущерба в крупном размере, наказание от семи до 12 лет лишения свободы).

В документах говорилось, что за пару месяцев до ареста Арустамян решил завладеть партией сигарет, которые потерпевший Алексей Свечников в качестве представителя московской компании «СНС-Юг» вез на оптовые базы Анапы — в том числе ИП «Арустамян». Арустамян-младший предложил Пономарчуку и братьям Енгоян напасть на него. 13 октября, признавались молодые люди, они на

двух автомобилях подъехали к одному из магазинов, в котором Свечников разгружал товар, после чего Пономарчук забежал в грузовой отсек его «Газели», приставил в голове потерпевшего травматический пистолет и натянул ему на голову шапку; затем нападавшие перегрузили в свои автомобили 3 871 пачек табачных изделий стоимостью 642 тысячи рублей. 22 декабря подельники напали на Свечникова во второй раз — опять настигнув «Газель» у одного из магазинов, Пономарчук якобы ударил потерпевшего в висок все тем же травматическим пистолетом; дальше события разворачивались по уже известной схеме. На этот раз добычей налетчиков стали 9 119 пачек сигарет, а ущерб составил 858 тысяч рублей. Тогда же явки с повинной по обоим эпизодам, несмотря на статус потерпевшего, написал и сам Свечников, признавшийся в том, что нападения якобы были инсценировками, которые заказал он сам.

Новый год в ОМВД Анапы. 12 990 пачек сигарет, две явки с повинной и электрометки

Молодые люди подтвердили свои явки с повинной на допросе у следователя, и их — уже в статусе обвиняемых — отправили под домашний арест. Тогда они рассказали, как именно полицейские из ОМВД Анапы добивались признания: избивали, душили противогазом и пускали в шланг едкий газ, пытали электричеством и угрожали изнасиловать резиновой дубинкой («Медиазона» подробно [писала](#) об обвинениях сотрудников продуктовой базы в адрес анапских полицейских).

Пономарчук рассказал родителям, что в его случае угроза изнасилованием была исполнена, лишь в августе 2016-го года, когда увидел в почтовом ящике письмо из Следственного комитета. В документе говорилось, что несмотря на показания фельдшера, видевшего травмы Пономарчука в ИВС, и данные медосвидетельствования, зафиксировавшего на теле молодого человека следы прикосновения проводников электрического тока, в возбуждении уголовного дела в отношении полицейских из ОМВД Анапы следователь решил отказать. После этого Пономарчук месяц провел в больнице с диагнозом «анальная трещина, осложненная кровотечением; параректальный абсцесс» и перенес операцию. Позже, когда в рамках проверки по его жалобе на отказ в возбуждении уголовного дела против полицейских следователь назначил комиссионную медицинскую экспертизу по медицинским документам Пономарчука, специалисты сочли, что эта травма могла быть получена не из-за изнасилования дубинкой, а «при

акте дефекации» или «введении в заднепроходное отверстие полового члена».

Сейчас Артему Пономарчуку 24 года. Он по-прежнему находится под домашним арестом, а задерживавшие его и других обвиняемых по делу об ограблении Свечникова полицейские — оперативники отдела уголовного розыска Денис Щербаков, Александр Левин, Армен Арутюнян, Роман Сильверструк и Александр Мельников — на свободе. Хотя дело о пытках Пономарчука и других обвиняемых в ОМВД Анапы в ноябре 2017 года, после 11 безуспешных доследственных проверок, все же было возбуждено, подозреваемыми по нему полицейские так и не стали: в постановлении говорилось, что молодых людей пытали «неустановленные сотрудники» этого отдела.

К настоящему времени расследование этого дела либо прекращено, либо приостановлено — в конце февраля 2019 года следователь оповестил представляющего интересы потерпевших юриста Сергея Романова о том, что работа по нему больше вестись не будет. «Расследование шло 15 месяцев, но полицейские, на которых указывали мои заявители, по-прежнему остались в статусе свидетелей. Они так же работают, никто не увольнял их, только, по нашим источникам, Щербакова понизили в должности, а Мельникова еще в самом начале следствия уволили, но непонятно, связано ли это увольнение с этим делом или с чем-то еще. Постановления следователя мы пока не видели, но думаю, что все 15 месяцев он занимался волокитой», — говорит Романов.

Вторая слева — следователь Елена Вильян. Фото из социальных сетей

Само же уголовное дело в отношении предполагаемых участников разбойных нападений на Свечникова, расследование которого было завершено еще в конце 2016 года, почти одновременно с приостановкой следствия по делу о пытках было возвращено в прокуратуру — во второй раз. Впервые это случилось в феврале 2018 года, когда судья Анапского районного суда Зоя Жванько провела уже более 70 заседаний по делу и неожиданно обратила внимание на нарушения УПК — например, отсутствие материалов о завершении следственных действий по явкам с повинным, написанным Свечниковым, и каких-либо указаний на то, куда после ограбления подевались сигареты, якобы украденные сотрудниками продовольственной базы.

После устранения этих недостатков дело было отправлено в тот же суд и на этот раз досталось судье Наталье Холодовой. Ознакомившись с материалами во второй раз, адвокат Романов обнаружил в них справки от начальника отдела специальных психофизиологических исследований кубанского ГУМВД, согласно которым исследование на полиграфе в отношении полицейских было сорвано, поскольку Мельников и Щербаков, хоть и пришли в кабинет к назначенному времени — 11 утра, были пьяны, а Арутюнян не явился вовсе.

Судья Холодова провела 15 заседаний. 20 февраля, даже не успев допросить всех свидетелей обвинения, она вернула дело прокурору, удовлетворив ходатайство одного из адвокатов обвиняемых. Защитник Арустамяна обратил внимание, что копия постановления о привлечении его доверителя

в качестве обвиняемого, заверенная следователем Еленой Вильян, расходится в деталях с версией событий, которая изложена в обвинительном заключении.

«Данное обстоятельство является основанием к возвращению дела прокурору, поскольку вменяемые Арустамяну в вину конкретные действия, составляющие объем предварительного обвинения, в обоих документах полностью не совпадают, имеются расхождения в уточнении описания травматического пистолета, и являются существенными. Отмеченное несоответствие документов повлекло за собой нарушение прав Арустамяна на защиту», — постановила судья.

«На мой взгляд, со стороны суда — это чистая формальность. В деле достаточно других нарушений, из-за которых можно было бы вернуть на следствие, и судья это знала, но выбрала именно это. Прошло уже больше двух недель, но до сих пор ребят никуда не вызывают — то есть у нас большие сомнения, что следствие вообще ведется, — рассуждает Романов. — На мой взгляд, они просто тянут время — у нас даже судебные заседания шли раз в неделю, а то и с перерывом по 20 дней. Ребята это переживают тяжело — они совсем молодые люди, и который год сидят под домашним арестом, даже без возможности работать. Говорят, уже замучилась — прошло уже полгода с начала второго суда, и пройдет еще столько же, прежде чем третий начнется». По мнению Романова, медлительность суда связана с тем, что решение по этому делу «на высшем уровне»

еще не было принято, а судья не хочет брать ответственность на себя.

Дело об ограбленных пенсионерах. «Скажи за бабушку»

Между тем вслед за Пономарчуком, братьями Енгоян и Арастумяном о пытках в ОМВД Анапы за последние годы заявили еще четыре человека. Трое из них — 34-летний Григорий Ачкасов, 27-летний Артем Бегларян и 26-летний Тигран Григорян — были осуждены в июле 2016 года той же судьей Анапского районного суда Жванько, которая первой рассматривала дело о похищении сигарет. Их приговорили к девяти с половиной, восьми с половиной и семи с половиной годам колонии строгого режима соответственно, признав виновными по части 3 статьи 162 (разбой).

Согласно приговору, в декабре 2015 года подсудимые решили ограбить пенсионеров Кравченко, рядом с домом которых Григорян укладывал тротуарную плитку. Свой умысел они реализовали 6 декабря: приехав на такси, Ачкасов и Бегларян надели маски и зашли в дом, а Григорян остался наблюдать за входом. Завладев двумя дешевыми мобильными телефонами и 2 130 рублями, Ачкасов проследовал в кухню, взял солнцезащитные очки одного из супругов и нож, после чего отправился в спальню. От шума потерпевшие проснулись, супруга попыталась защитить своего парализованного мужа и выхватить нож у Ачкасова, но тот оттолкнул ее; в ходе потасовки она порезала три пальца правой руки. В это время Бегларян забрал из прикроватной тумбочки 180 000 рублей, после чего преступники скрылись, по пути прихватив с собой шлифовальную болгарку.

Доказательствами вины стали протоколы обысков у обвиняемых, в ходе одного из которых были обнаружены похищенные телефоны, допрос потерпевшей, которая спустя семь месяцев уточнила, что нападение было совершено с применением оружия, и явки с повинной, написанные подсудимыми в день задержания — 12 и 13 декабря 2015 года. На суде вину признал только Тигран Григорян, однако он заверил, что двое других подсудимых отношения к преступлению не имели.

Оказавшись в ИВС, Бегларян уже через два дня написал в прокуратуру жалобу, в которой рассказал, при каких обстоятельствах признался в преступлении. По его словам, 12 декабря 2015 года он шел по улице, когда дорогу ему резко преградила «Лада приора», из которой выскочили мужчины в штатском и принялись его бить. Бегларяну удалось вырваться. «Я начал убежать, после чего услышал несколько выстрелов, испугался и упал на землю. Они подбежали, надели наручники, несколько раз ударили по лицу. <...> Подошли еще два человека, один из них был [оперативник Денис] Щербаков. Меня посадили на заднее сиденье, надели на голову куртку, <...> начали бить по почкам, по спине, при этом говорили мне: "Скажи за бабушку". Я им ответил, что не знаю, про какую бабушку идет речь, на что они мне сказали: "Сейчас отвезем тебя в лес, произведем с тобой насильственные действия"», — уверял Бегларян. Об участии оперативника Щербакова в пытках ранее рассказывали и фигуранты дела о нападении на Свечникова.

Когда куртку с головы Беглярна сняли, он увидел, что действительно находится в лесу. Его положили на землю; один из полицейских удерживал голову, в то время как второй стянул с мужчины штаны. Когда дело дошло до трусов, Бегларян услышал шум мотора, полицейские затолкали его обратно в машину и повезли в ОМВД Анапы. Заведя задержанного в один из кабинетов, оперативники предложили ему написать явку с повинной, но он отказался.

Александр Мельников (второй слева). Фото из социальных сетей

«Меня начали бить, положили на пол лицом, сверху поставили стул, одели на голову противогаз, завязали ноги и стали держать — один за ноги, другой за голову, третий за спину, включили громко музыку и подсоединили к ногам клеммы, стали бить током. Я громко кричал, через некоторое время они остановились и спросили меня: "Будешь писать?". Я ответил: "Как я буду писать, если я этого не делал?". Они опять включили ток и держали так долго, что я задыхался, потерял сознание, они привели меня в чувство нашатырным спиртом, потом снова включили ток, я снова потерял сознание. <...> Я попросил у них воды, мне сказали, что надо идти в другой кабинет. Но я не мог встать, у меня онемели ноги — я их еще два дня не чувствовал. Они помогли мне пройти, там была написана явка с повинной за разбой», — вспоминал Бегларян. По словам задержанного, когда его вели к следователю, Щербаков предупредил, что если он поменяет показания, то его опять отвезут в лес и «сделают то, что хотели сделать».

Следователь, рассматривавший жалобу Бегларяна, запросил выписку из книги учета доставленных в ИВС: согласно записи, при поступлении у того были зафиксированы «опухоль двух коленных суставов, ссадины, кровоподтеки на боку, опухоль правой брови, ссадина верхней губы», у задержанного одновременно с ним Ачкасова — «ссадины на руках, кровоподтеки в области пояса», а у Григоряна повреждений обнаружено не было.

Затем следователь запросил рапорты полицейских, задержавших Бегларяна — Сильвеструка, Левина и Арутюняна; хотя сам обвиняемый называл фамилию Щербакова, в документах его участие не зафиксировано. По словам полицейских, когда они подошли к подозреваемому, предъявили ему удостоверение и предложили проехать в ОМВД для дачи объяснений, то ответил «отказом в грубой форме», оттолкнул оперативника Левина, из-за чего тот упал, а Сильвеструк, видя это, применил «боевые приемы борьбы». В ответ Бегларян попытался убежать и ударил Левина, однако тот смог надеть на него наручники. Удовлетворившись этими рапортами, уже 23 декабря 2015 года следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Вскоре оно было отменено. В рамках новой проверки следователь взял объяснения с оперативников — те пересказали версию, изложенную в рапортах, и добавили, что Бегларян в машине по пути к ОМВД «без какого-либо физического или психологического давления сразу же признался в совершении тяжкого преступления». Следователь снова вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Через два месяца заявление о пытках написал и Ачкасов. По его словам, в день задержания он вышел из дома, когда четверо человек в штатском затолкали его в машину, надели на голову мешок и отвезли в ОМВД, где «раздели наголо, связали скотчем, одели противогаз, сверху поставили два стула и пытали всю ночь, отбивали пятки, подсоединяли провода и били током». «С ушей у меня шла кровь, повредили ушную перепонку, заливали нашатырный спирт в полость рта и носа, снимали на камеру, угрожали моей семье. При этом из соседних комнат по крикам и голосу я понял, что пытаются Бегларяна и Григоряна», — писал заключенный. По его словам, одного из участников пыток он впоследствии увидел на следственных действиях и узнал его имя — Армен Аратунян. Тогда следователю пришлось вновь опросить оперативников. Они рассказали, что Ачкасов сопротивлялся при задержании, из-за чего на него пришлось надеть наручники, а явки с повинной и он, и Григорян написали самостоятельно. 20 мая следователь вынес отказ в возбуждении дела и по его заявлению.

В апреле 2018 года, когда все трое уже отбывали срок в колонии, прокуратура внезапно отменила оба отказа в возбуждении дела и потребовала объединить материалы в одно производство. В рамках новой проверки выяснилось, что в день задержания Бегларяну вызывали скорую помощь, однако конкретных обстоятельств фельдшер, выезжавшая в ОМВД, вспомнить не смогла. Дело было отменено вновь.

Последнее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям Ачкасова и Бегларяна, десятое по счету, датировано 6 января 2019 года. Отменено оно пока не было.

Дело об украденной кассе. «По ощущениям, как будто мне режут спину»

Тем временем в феврале 2019 года в «Комитет против пыток» обратился уже восьмой человек, обвинивший тех же оперативников из ОМВД Анапы в пытках — им стал 29-летний Григорий Шпека, освободившийся из колонии, где он отбывал наказание за кражу. Шпека рассказал, что в конце октября 2015 года, когда он жил у своего друга в поселке Супсех, в дом к ним пришли десять мужчин в штатском, один из которых (впоследствии Григорий опознал в нем Сильверструка) ударил его в живот, положил на пол лицом вниз и надел наручники. Затем мужчину на глазах у его друга положили в багажник припаркованной у дома «приоры» и отвезли в отдел полиции. Там Сильверструк стал расспрашивать Шпеку об ограблении магазина «День и ночь», а когда тот ответил, что на момент преступления находился в Новороссийске, дал ему время «подумать» и вышел из кабинета. Вернувшись через полчаса — по запаху заявитель понял, что оперативник успел выпить — Сильверструк и другие полицейские стали бить его по туловищу, а затем надели на задержанного противогаз с перекрытым клапаном и покрашенными стеклами.

«Мне закатали брюки, и я почувствовал, что к щиколоткам обеих ног прицепляют какие-то прищепки. После этого я почувствовал, как будто ноги что-то режет. Я стал кричать.

Периодически боль приостанавливалась, затем снова возобновлялась. Так происходило около 40 раз, — рассказывал Шпека. — <...> Каждый раз, когда с меня снимали противогаз, мне предлагали сознаться в совершении преступления, каждый раз я отказывался. Затем, с ног убрали зажимы [и прикрепили к коже на спине]. Я почувствовал резкую боль между лопаток — по ощущениям, как будто мне режут спину. Я при этом кричал от боли. С периодичностью боль прекращалась, так продолжалось около 15 раз. <...> После того, как я в очередной раз отказался признаваться, сотрудники полиции мне стали угрожать применением сексуального насилия. Сказали, что засунут дубинку в задний проход. Также грозили задержать моего младшего брата <...> и пытаться его у меня на глазах. Мне начали снимать штаны. В этот момент я попросил прекратить, сказав, что я все подпишу, потому что сотрудники находились в состоянии алкогольного опьянения и я реально воспринимал их угрозу, так как находился в абсолютно беспомощном состоянии. В ответ на мое согласие сознаться в том, о чем меня просили, они сказали, что теперь уже ничего не нужно, что мне уже шанс давали, а теперь будет так, как они хотят».

Когда через десять минут с задержанного сняли противогаз, оперативники дали ему полстакана водки. Шпека выпил и написал явку с повинной, текст которой придумал Сильвеструк — в ней говорилось, что Григорий, проходя мимо магазина, увидел, как продавщица перекладывает деньги из кассы в коробку, схватил ее и убежал. Когда явка была готова, в кабинет вошли двое сотрудников ППС,

составившие в отношении задержанного протокол, согласно которому тот шел по улице и ругался матом. Суд назначил ему административный арест. 18 ноября, за несколько часов до освобождения, один из полицейских отвел его в кабинет к следователю, в разговоре с которым Григорий в присутствии адвоката по назначению отказался подтвердить обстоятельства явки с повинной. Тогда, вспоминая Шпека, в кабинет зашли Сильверструк и Левин, которые сказали, что задержанному «нужно пойти покурить», и повели его в другой кабинет. На этот раз пытки были недолгими — молодой человек согласился подтвердить свои показания, как только ток пошел по щиколоткам. После допроса его доставили в СИЗО.

Шпека уверяет, что, находясь в СИЗО, неоднократно обращался с жалобами на действия оперативников в прокуратуру и Следственный комитет; ему приходили ответы о том, что обращение рассмотрено, однако они не сохранились. Сергей Романов из «Комитета против пыток» затребовал материалы по его обращениям, однако пока ни одно из ведомств не дало ответа.

Редактор: Дмитрий Ткачев